

Завершился сезон в Grand Opera

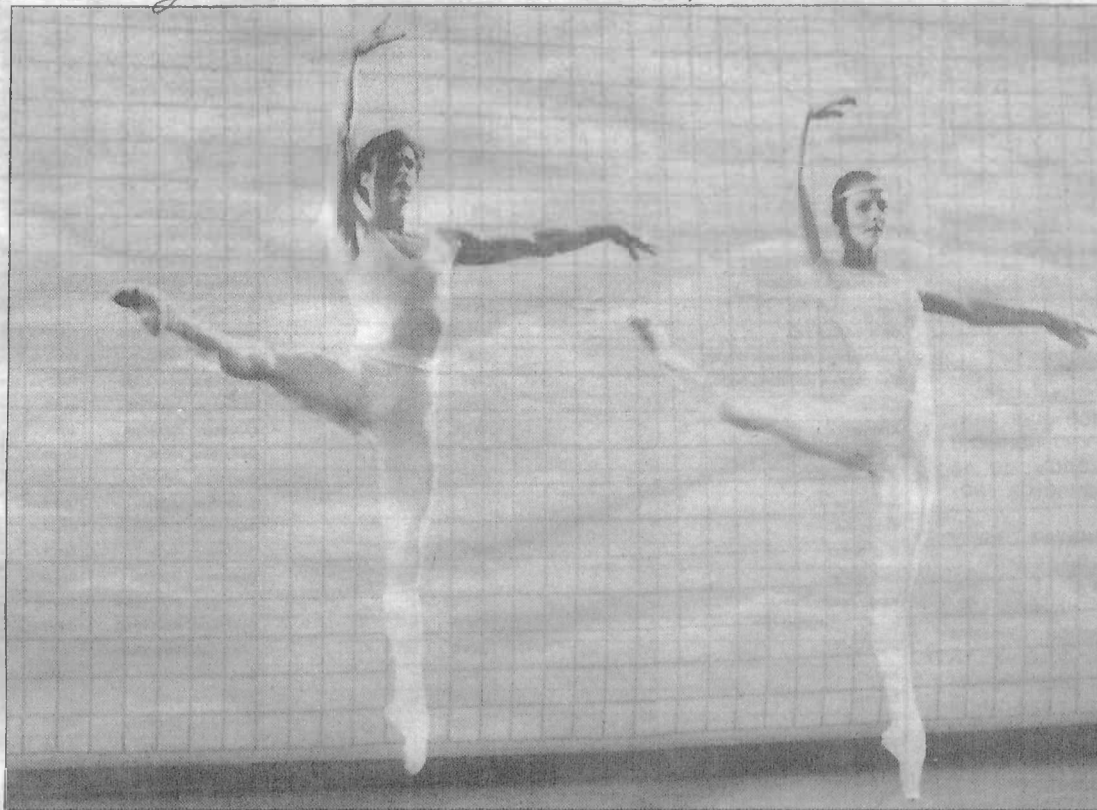
Коммерсантъ - daily. - 1997. 15 июля, - с. 10

Классический танец, в котором воплощены законы божественной гармонии и порядка, родился в эпоху Людовика XIV. До сих пор в пирамидальной структуре труппы Парижской оперы отражена иерархия абсолютизма. Ее основа — кордебалет, над которым ступеньками поднимаются группы «кадрилей», «корифеев», «сюжетов», первых танцовщиков. Венчают эту пирамиду «звезды» — этуали. Проверенная временем жесткая структура французского балета неизменна.

Парижская опера выпускает как минимум четыре новых спектакля или одноактные программы в год, на двух стационарных сценах дается около 200 представлений. За прошедший сезон был восстановлен некогда нашумевший балет Ролана Пети «Собор парижской Богоматери» и старинная «Сильфида» в редакции П. Лакотта, показан вечер балетов молодых хореографов из Канады и США Ж. Гран-Мэтра и Дж. Куделки, произведения почтенных мэтров — Агнес де Милль, сэра Фредерика Аштона. Сезон прошел тихо и гладко, без эстетических потрясений и иерархических перемен. После правления «играющего тренера» — танцующего артистического директора Патрика Дюпона — нынешнее бытие Оперы под руководством Брижитт Лефевр (кстати, тоже бывшей прима-балерины) кажется тихой гаванью.

«Франция для французов» — этот лозунг вполне может быть девизом старейшей балетной труппы мира. В нашем столетии этот бастион дважды покоряли знаменитые «варвары» из России: четверть века Оперой правил диктатор Сергей Лифарь. На восемь сезонов ее загипнотизировал своим магнетизмом Рудольф Нуриев. Оба — культовые фигуры в истории французского балета. Их обожали и ненавидели, перед ними преклонялись и их... сместили в одночасье, продолжая любить и восхищаться, до сих пор сохраняя в обширнейшем репертуаре театра их постановки. В Опере никогда не существовало должности главного балетмейстера, почти обязательной в России. Хореографа приглашают на отдельные постановки и почти никогда не включают в штат.

Раз в году в труппе устраивается конкурс, в котором может принять участие любой артист балета, желающий подняться на следующую ступень иерархии. Возможность изменить свой статус — фантастический стимул в работе. Это под силу лишь самым талантливым, самым

В эклектичном здании Парижской Оперы замечательно уживается классика с экспериментом. «Glass pieces», хореография Джерома Роббинса

трудолюбивым, ну и имеющим протекцию (фактор важный, хотя и не решающий). Пожизненный титул «этуаль» присваивается за удачную роль, его присуждает руководство Оперы. Сегодня в труппе тринадцать «звезд» — семь балерин и шесть премьеров.

До середины 80-х даже звезды не имели права распоряжаться своей творческой жизнью, должны были считаться с весьма жесткими предписаниями и регламентом Оперы: не работай с тем-то, не танцуй там-то. Иерархию пытался сломать Нуриев, время от времени возводя в ранг звезд чуть ли не «корифеев». Его считали узурпатором, терпели, но до поры.

Лишь когда в труппе появилась своенравная, сверходаренная и блистательно выученная Сильви Гиллем, вековая иерархия действи-

тельно дала трещину. По характеру Сильви не могла подчиняться, она могла только подчинять. Очень скоро высокому статусу «этуали» Парижской оперы она предпочла свободу и независимость. И, к ужасу французов, стала главной приглашенной звездой вечных врагов по ту сторону Ла-Манша — Английского королевского балета — с гонораром около \$28 тыс. за гастрольное выступление.

Потеряв Гиллем, дирекция Оперы даровала звездам многие послабления: сейчас они могут планировать свои выступления вне стен родного театра, участвовать в разных театральных начинаниях, сами ставить и создавать небольшие труппы. Этим не преминула воспользоваться самая яркая из нынешних этуалей — красавица-корсиканка Мари-Клод Пьетрагалла,

которую считают за честь снимать для рекламы самые крупные дома высокой моды.

Как положено звезде, она танцует всю классику, которая идет на сцене Оперы в основном в редакциях Рудольфа Нуриева, весьма далеких от петербургских канонических вариантов. Но гораздо интереснее Пьетрагалла в современных спектаклях, которых немало на сцене Парижской оперы.

Как и само здание Парижской оперы, преднамеренно эклектичен ее репертуар. В отсутствии постоянного балетмейстера на сцену театра переносят все лучшее, что существует в мире классической и современной хореографии. За серийным показом романтических балетов может последовать блок, состоящий из произведений классиков XX века. В Опере танцуют Марту Грехем и Мерса Каннигема; работающих в Германии американцев Джона Ноймайера и Уильяма Форсайта. Могут заказать отдельные спектакли совсем уж лихим модернистам типа Анжелена Прельжокажа или Пины Бауш. Или попросить перенести на первую сцену Франции ультрасовременную «Жизель» Матса Эка, второе действие которой происходит в сумасшедшем доме.

Репертуарная всеядность не по душе многолетней руководительнице парижской балетной школы при Опере мадемуазель Клод Бесси — бывшей звезде и главной хранительнице чистоты и техники элегантной, рафинированной французской школы танца. С точки зрения этой пуристки, «не может один и тот же танцовщик с одинаковым успехом сегодня танцевать Баланина, а завтра Грехем», классику и модерн. Хотя все системы современного танца прилежно изучаются в руководимой ею школе.

Именно Клод Бесси поставляет кадры в Оперу. Но из-за того, что сегодняшние тридцатилетние, составляющие костяк труппы, должны без помех доработать до пенсии, вплоть до 2004 года театр не может принимать больше 4–5 выпускников в год. Остальным придется уехать из Парижа, осесть в других классических труппах Франции, хотя численность таких трупп неумолимо сокращается под натиском «новой волны» современного танца, требующего менее тщательной и длительной подготовки. И все же, при всех взаимных жалобах и недовольствах, парижская школа классического танца по-прежнему остается лучшей в мире, а Парижская опера — символом чистейших традиций классического балета.

ВИОЛЕТТА МАЙНИНЦЕ